

А. Н. ОЛЕНИН И АКАДЕМИЯ ХУДОЖЕСТВ В 1817–1825 ГОДЫ

В статье рассматривается деятельность А. Н. Оленина на посту президента Академии художеств в 1817–1825 годах. Автор использует большой объем документов из фондов Российского государственного исторического архива, отдела рукописей Российской национальной библиотеки, а также научные публикации. В статье отмечены как заслуги Оленина, так и его негативная роль в истории русского искусства и Академии художеств, дается оригинальная интерпретация «дела А. Ф. Лабзина» (1822 г.).

В мае 1817 года по высочайшему рескрипту президентом Академии художеств, пришедшей в упадок в период вице-президентства П. П. Чекалевского (1811–1817), был назначен Алексей Николаевич Оленин¹. С восторгом писали об этом Ф. Г. Солнцев, Ф. И. Иордан² и К. Н. Батюшков, отметивший, между прочим, эстетические критерии президента, которые быстро станут тормозом русского искусства:

Президент, который без педантства,
Без пузы барской и без чванства,
Забот неся житейский груз
И должностей разнообразных бремя,
Еще находит время
В снегах отечества лелеять знобких муз;
Лишь для добра живет и дышит,
И к сим прибавьте чудесам:
Как Менгс — рисует сам,
Как Винкельман красноречивый — пишет.

«Тысячеискусник» сразу улучшил рацион питания учеников³, снабдил их добротной одеждой, всегда приезжал на церковные службы, питался в академической столовой в присутствии учеников пищей из одного с ними котла. Он провел разумное сокращение штатов, что позволило увеличить жалование нужным ему чиновникам⁴, из которых формировал опору своей власти. Президент оказывал мелкие любезности профессорско-преподавательскому составу, не составлявшие труда, но создававшие имидж доброго, отзывчивого начальника (например, позволил 11-летнему сыну профессора И. А. Иванова, гениальному Александру, посещать занятия в художественных классах и пользоваться библиотекой)⁵. С помощью министра просвещения и духовных дел А. Н. Голицына он убедил императора сократить

число воспитанников с 300 (фактически с 278) до 240 человек, 80 из которых были «своекоштными»⁶ (их плата за обучение увеличилась с 360 до 600 рублей в год)⁷. Доход извлекался даже путем спекуляции восковыми свечами⁸. Уже в 1818 году из денег, ассигнованных министерством и полученных за счет оленинской экономии, в заемный банк с целью получения процентов было положено 150 000 рублей⁹. Это позволило начать грандиозный капитальный ремонт академического здания, резко повысивший его комфортабельность и художественное значение, построить в 1819–1821 годах новый учебный корпус.

В 1818 году Академия по инициативе Оленина выписала из Англии гипсовые слепки с мраморов, украденных лордом Эльджином с афинского Акрополя. Президент подарил Академии свою коллекцию «старинных русских, современных ему французских и японских оружий» и «разного скарба диких народов»¹⁰, создал небольшое археологическое собрание, дал согласие на создание любительского театра¹¹. Сообщения о медалистах Академии ежегодно публиковались в газетах¹². С 1818 года возобновилось заграничное пенсионерство золотых медалистов. Через секретаря императрицы Марии Федоровны Г. И. Вилламова Оленин пересылал портреты, миниатюры, гравюры, чтобы обратить внимание императрицы на талантливых художников¹³. Он предлагал адъюнкт-профессорскую должность освободившемуся от крепостной неволи В. А. Тропинину и принял горячее участие в судьбе Б. И. Орловского¹⁴.

А. Н. Оленин ввел строгую регламентацию всей академической жизни, повседневный контроль за ходом занятий каждого ученика, отмечая в классной книге «ленивых, непокорных и не знавших урока». Были разработаны деталь-

ные учебные планы. Усилилось преподавание теоретических курсов, но при этом исключено преподавание смежных искусств, что пагубно отразилось на общекультурном уровне учащихся. Преподавателям вменялось в обязанность представлять отчеты о своей художественной и педагогической деятельности объемом от 2 (А. Г. Варнек)¹⁵ до 72 (В. А. Глинка)¹⁶ листов. Совет Академии попал под неусыпный контроль президента, неизменно одобряя любые его начинания, что позволяло Оленину в сложных ситуациях прикрывать свою некомпетентность, ошибки и авторитаризм мнением Совета.

В 1820 году после 5-летнего перерыва в залах Академии открылась выставка работ профессоров и питомцев. С 1824 года отчетные выставки стали устраиваться каждые три года и всегда являлись волнующим событием культурной жизни. Авторитет Академии стал незыблем. Быстро росло число вольноприходящих учеников из высшего общества и офицеров, которые за определенную плату могли посещать занятия и пользоваться указаниями профессоров. Считалось престижным получать номера первого десятка, а стать почетным членом Академии — великой честью. В 1822 году заслуги Оленина были отмечены медалью правительства Нидерландов¹⁷.

Однако деятельность Оленина на посту президента далеко не однозначна. Он удалил из Академии крепостных, запретил принимать их впредь¹⁸ и не выдал в 1821 году аттестаты своекоштным пенсионерам П. Шарову и И. Мичурину как крепостным¹⁹ (при этом не запрещалось учить крепостных у профессоров Академии частным образом). За это дипломат Д. Н. Свербеев назвал его «игрушкой в руках Аракчеева»²⁰. М. И. Семеновский²¹, П. Н. Петров²², О. Д. Голубева²³ утверждают, что Оленин лишь вы-

полнил предписание А. Н. Голицына, который, в свою очередь, уверял, что так «Его Императорскому Величеству Благоугодно»²⁴. Однако в РНБ имеется недатированный черновик письма Оленина к Голицыну, показывающий, что инициатива исключения крепостных исходила именно от Оленина²⁵. Получив согласие, президент разослал помещикам письма с предложением даровать своим пенсионерам свободу или забрать их из Академии²⁶. Ни один из 25 помещиков дать вольную не согласился. «Почему господам не иметь права отдавать выучить и сделать настоящим человеком из своих людей, но приневолить меня никто не может сделать его вольным», — писал Оленину Аракчеев²⁷. В ответном письме Оленин разъяснил свою позицию²⁸. Во-первых, он руководствовался гуманными соображениями: Академия, давая образование и внутреннюю свободу, меняла сознание крепостного, делая его возвращение под власть помещика крахом личности. Во-вторых, Оленин видел в крепостных причину «упадка нравственности воспитанников» (ложность этого утверждения мы покажем далее).

Оленину не удалось добиться серьезного улучшения финансирования художественного творчества питомцев Академии. 6 ноября 1817 года он известил Совет о том, что А. Н. Голицын передал ему высочайшее изволение отпустить, начиная с 1818 года, из Кабинета Его Императорского Величества по 10 000 рублей ежегодно «на награждение художников, трудившихся в исполнение заданных академиею программ»²⁹ согласно 34-й дополнительной статье устава. Первые три года царское обещание выполнялось, но в 1821 году деньги не поступили³⁰. В 1822 году просимая сумма была удвоена³¹, а в 1823 году — утроена³². Только после этого Академия

получила причитающееся за 1821–1822 годы. И все началось сначала³³: к 4 ноября 1825 года долг Кабинета по данной статье вновь составил 30 000 рублей³⁴.

Неудачей закончилась и попытка президента закрыть питейные заведения вблизи Академии³⁵. То, что удалось сделать для Публичной библиотеки, применительно к Академии не сработало, поскольку не только император, но и министры к этому времени поняли, что «ласкательный» к вышестоящим Оленин все стерпит. «Лучшая награда всех моих попечений, — писал он Голицыну, — визит Императора в Академию»³⁶. Г. И. Вилламову: «Академия была бы счастлива, если бы она удостоилась Всемилостивейшим Посещением Его Императорского Величества. Я сам по сему поводу намеревался сего дня по утра явиться, чтобы узнать волю Его Величества... осмеливаюсь просить покорнейше ваше превосходительство принять на себя труд довести сие до сведения Его Императорского Величества... Во ожидании всемилостивейшаго и вожделенного сего для Академии случая имею честь быть с истинным почтением и совершенною преданностию Вашего Превосходительства покорнейший слуга Алексей Оленин. 6 сентября 1821 г.»³⁷. Приглашая актера А. Н. Рамазанова для руководства академическим театром и обучения воспитанников танцам, президент видел задачу в том, чтобы научить их «ловко ходить и кланяться»³⁸.

Почти во всем, что делал Оленин на посту президента Академии, чувствуете «двойное дно». По его приказу академическая гауптвахта была переведена в Первый кадетский корпус³⁹. Внешне это выглядело как гуманный акт, но на деле означало, что провинившиеся ученики отныне будут иметь дело не с гувернерами, знающими их много лет, а с унтер-офицерами, которые в полной ме-

ре выместят на них свое кастовое презрение к статским. Во время академических выставок, чтобы отделить «чистую публику» от «толпы зевающего народа», Оленин сделал вход бесплатным только в течение половины срока работы выставки. В это время пускали представителей двора и бомонда. Остальные могли посетить выставку во второй период ее работы, когда вход был платным.

С момента своего назначения президентом Оленин вступил в борьбу с конференц-секретарем Александром Федоровичем Лабзиным за власть над Академией. Между ними возникали постоянные трения. У Лабзина были достаточно сильные позиции: ему покровительствовал министр А. Н. Голицын, по представлению которого Лабзин в 1816 году был награжден орденом св. Владимира 2-й степени⁴⁰. В 1817 — начале 1818 года император приказал выдать Лабзину пособие на издание «Сионского вестника», стал одним из его подписчиков, присвоил издателю чин тайного советника и назначил сенатором⁴¹. Лабзин являлся членом Комитета влиятельнейшего Библейского общества, был близок с В. Н. Каразиным⁴² и с умеренным крылом Вольного общества любителей словесности, наук и художеств, многие члены которого были вхожи в дом Оленина. Именно Лабзин когда-то предложил Павлу I ввести должность конференц-секретаря и был назначен именованным указом, «прямо на имя Академии, а не через Сенат, и это единственный высочайший указ, последовавший на имя Академии»⁴³. «Наделенный от природы всеми качествами, необходимыми для руководства другими людьми, властолюбивый Лабзин гипнотически действовал на людей, входивших с ним в соприкосновение. С виду гордый, надменный, он был добр и приветлив с людьми бедными и угнетенными, но с теми, кто был выше

его, обращался сухо, с преувеличенною суровостью, которой не было в существе его характера; напротив, он любил шутку, был остроумен и беседа с ним была приятна»⁴⁴. Он создавал себе имидж страдальца и страстотерпца, вызывая симпатию коллег и учащихся, в то время как президент, по собственному признанию, «полюбовался подписью, ... на стенах написанной, в которой меня величали: Оленин Собака..., что все лучше, нежели быть названным вором или дураком»⁴⁵.

Поскольку по уставу Лабзин являлся вторым лицом после президента, Оленин начал с разграничения функций (художественная, учебная, хозяйственная, воспитательная, полицейская), стремясь переложить на конференц-секретаря самые непопулярные — воспитательную и полицейскую (благочиние)⁴⁶. В мае 1817 года в частном письме к Оленину Лабзин просил уволить его из Академии, так как 18 лет числился секретарем с жалованием 1350 рублей, в то время как начальники отделений получают по 2500 рублей, а молодые художники за надзор за остальными — по 1500 рублей. Оленин попытался «приручить» Лабзина, пообещав ему место вице-президента «с прибавлением к оному столовых денег». Лабзин рассыпался в благодарностях за «благоденствие»⁴⁷. Однако, в отличие от оперативного в подобных вопросах А. С. Строганова, Оленин не спешил выполнять обещание. Осенью император уехал из страны, а в декабре 1817 года Оленин написал первые доносы Голицыну на Лабзина⁴⁸. Тем не менее, стараниями министра в январе 1818 года высочайшим указом Сенату Лабзин был объявлен вице-президентом Академии художеств⁴⁹. Чтобы нейтрализовать его влияние, «по убеждению президента», должность конференц-секретаря занял надворный советник А. И. Ермолаев —

сотрудник Публичной библиотеки, экспедитор Государственной канцелярии, знаток русских древностей, близкий и послушный друг Оленина, малоуважаемый профессорами и почти презираемый учащимися.

В 1818 году после закрытия «Сионского вестника» позиции Лабзина пошатнулись, но Оленин по-прежнему считал его фаворитом Голицына и периодически жаловался на него министру, отмечая «строптивный характер» и «пустословие»⁵⁰. Переписка Оленина и Лабзина 1817–1822 годов⁵¹ открывает ряд принципиальных вопросов, по которым возникли разногласия:

- крайне низкий уровень знаний учащихся по общеобразовательным предметам. Лабзин ратовал за усиление их преподавания, Оленин — напротив, за отмену преподавания смежных искусств и увеличение времени на изучение специальных дисциплин;

- царедворец Оленин подходил к учащимся дифференцированно, в зависимости от заслуг и степени влияния их родителей или опекунов. Лабзин выступал за единство педагогических требований ко всем учащимся без исключений: «Ученик 4 возраста П. Александров, обучающийся в классе живописи батальи, вчера поднят в коридоре безчувственно пьяным. Он уже несколько раз попадался пьяным и прежде, и его хотели давно выключить, но все за него упрашивали»;

- Лабзин был противником введенной Олениным бюрократической документации и призывал ее сократить, ссылаясь на опыт четырех предшественников президента;

- стремясь нейтрализовать Лабзина, Оленин по всякому поводу собирал послушный ему Совет Академии. В одном из писем Лабзин напомнил, что по уставу Совет должен собираться два раза в

месяц, а в остальное время его функции выполняет вице-президент (за вакантностью этой должности — конференц-секретарь). При этом Лабзин постоянно проводит мысль о повышении роли Совета в принципиальных вопросах;

- главное, что раздражало Лабзина, — добровольный отказ Оленина от важнейших прав президента Академии: «Я не знаю, на что г. Президент отнимает и у себя и у Академии право посылать или не посылать в чужие края воспитанников? На что подвергает себя стеснению или зависимостью от другой власти, в том, на что вы полное имели право и разве лишили оно себя тем, что стали представлять о сем Государю? На что нам сковывать себе руки в разсуждении приема вольных пенсионеров, платящих за себя? Почему 80? Почему не 180; есть ли бы вы того захотели, и Академия нашла бы в том удобство?» «Мне хотя бы не оставаться в Академии, но я все желаю, чтобы она удержала свои права»;

- Лабзин выступал ходатаем за мелких служащих, призывая президента увеличить им жалование или позволить работу по совместительству. «Я смел бы по сему присовокупить уверение мое, не только за себя, но и за всех прочих, что вы точно всеми были бы довольны, если бы отложили напрасное предубеждение о подчиненных ваших, как будто они враги ваши»;

- «человекоугодничество» президента. Вопиющим нарушением устава стало заграничное пенсионерство Ф. А. Бруни и П. В. Басина. К Бруни Оленин относился с подчеркнутой холодностью, но в 1816 году его рисунок «Раскаяние разбойника» понравился императрице Елизавете Алексеевне, и она подарила автору золотые часы⁵². У Бруни появились высокие покровители — Н. Н. Новосильцев и Ю. П. Литта. В 1819 году конкурсная картина Бруни «Улисс, потер-

певший кораблекрушение, перед царевной Навзикаей» провалилась при баллотировке. Художник подумывал оставить Академию, но вместо этого оказался пенсионером в Италии⁵³;

- ничем не выделявшийся живописец Басин⁵⁴ получил такую же привилегию исключительно благодаря Оленину, который благоволил к этому 25-летнему вольноприходящему ученику, поскольку Басин вырос в чиновничьей семье и имел чин титулярного советника;

- при Оленине заметно упало количество и качество присваиваемых ака-

демических званий⁵⁵. Только за 7 из 11 лет президентства А. С. Строганова в назначенные было избрано 43 человека (в среднем по 6 человек в год), из которых 23 (53,5%) оставили более или менее заметный след в искусстве. При П. П. Чекалевском эти показатели снизились соответственно до 13 человек (2,1 человека в год) и 4 (30,5%); при Оленине в 1817–1825 годах — составили 24 (3 человека в год) и 11 (45,8%). По остальным академическим званиям показатели выглядят следующим образом:

Академические звания	А. С. Строганов 1804 — 27.09.1811 (7 лет)		П. П. Чекалевский октябрь 1811 — май 1817 (6 лет)		А. Н. Оленин июнь—май 1817 — декабрь 1825 (8 лет)	
Академики	56 (8,2 чел./год)	34 (61%)	21 (3,5 чел./год)	14 (33,3%)	12 (1,5 чел./год)	4 (33,3%)
Советники	7 (1 чел./год)	6 (87%)	3 (0,5 чел./год)	2 (66,6%)	1 (0,1 чел./год)	1 (100%)
Адъюнкт-профессора	6 (0,8 чел./год)	6 (100%)	—	—	—	—
Профессора	7 (1 чел./год)	6 (87%)	6 (1 чел./год)	6 (100%)	3 (0,4 чел./год)	3 (100%)
Адъюнкт-ректоры	—	—	1 (0,16 чел./год)	—	1 (0,12 чел./год)	1 (100%)
Ректоры	1 (0,14 чел./год)	1 (100%)	1 (0,16 чел./год)	1 (100%)	2 (0,2 чел./год)	1 (100%)
Почетный ректор	—	—	—	—	1 (0,1 чел./год)	1 (100%)
Вольные общники	5 (0,7 чел./год)	4 (80%)	2 (0,3 чел./год)	1 (50%)	21 (2,6 чел./год)	9 (43%)
Почетные члены	8 (1,1 чел./год)	4 (50%)	3 (0,5 чел./год)	1 (33,3%)	4 (0,5 чел./год)	1 (25%)
Почетные любители	3 (0,4 чел./год)	2 (66,6%)	5 (0,8 чел./год)	1 (20%)	4 (0,5 чел./год)	—

В сравнении с годами президентства Строганова очевидно резкое снижение количества и качества членов Академии, составляющих плоть и кровь русского искусства — академиков, адъюнкт-профессоров и профессоров. Зато возросло количество «свадебных генералов» — адъюнкт-ректоров и ректоров, в чьи обязанности не входило обучение питомцев (они могли это делать только на добровольных началах). Резко увеличилось количество вольных общников при столь же резком снижении их качества. Что касается почетных членов и почетных любителей, то в эту категорию при Оленине попадали почти исключительно люди, не имевшие отношения к искусству, но занимавшие высокие государственные посты, близкие ко двору, способные оказать Академии покровительство, но редко реализовавшие эту способность.

В своем письме-отречении от Лабзина Голицын напомнил пункт устава, согласно которому в почетные члены избираются именно подобные люди⁵⁶. Это позволяет сделать вывод, что Лабзин принципиально выступал против данного пункта устава, называя его «человекоугодием». Зная о том и учитывая характер вице-президента, Оленину нетрудно было предугадать его поведение и смысл реплик на заседании 13 сентября 1822 года.

В этот день Совет Академии избирал почетных любителей — министра финансов гр. Д. А. Гурьева, гр. А. А. Аракчеева и министра внутренних дел гр. В. П. Кочубея⁵⁷. По версии Оленина, кандидатуры предложил не он, а Совет Академии (это был излюбленный ход президента). Однако А. Ф. Лабзин открыто выступил против данных кандидатур. Про Кочубея он сказал: «двух копеек не стоит, сей надутый и ничего не знающий»⁵⁸, а когда подошла очередь

Аракчеева, поинтересовался: за какие заслуги его избирают почетным любителем? Смутьившись, Оленин ответил, что Аракчеев близок к государю. На это Лабзин заметил: «Тогда я предлагаю избрать в почетные академики кучера Илью! Он не только близок к государю, но еще и сидит перед ним»⁵⁹. «...избегая неприятных с ним объяснений, — писал Оленин, — и уважая тяжкую его болезнь, рассудил дать этому делу оборот не столь серьезный, сказав г-ну Лабзину, что я не премину известить новоизбранных г-г членов в почетные любители о чести, которую им сделал Александр Федорович, предложив к совместному с ними выбору кучера Ильи. Сей неожиданный ответ мой произвел в собрании невольный общий смех, который привел г-на Лабзина в некоторое негодование, ибо он с сердцем ответил мне: «Извольте им это сказывать, я их не боюсь»⁶⁰.

Казалось, на этом все могло бы закончиться, но 18 сентября в антракте спектакля обер-полицмейстер Гладков и генерал-губернатор Милорадович по очереди выпрашивали у Оленина подробности происшествия. Президент поинтересовался, о каком происшествии идет речь, и когда они все ему пересказали, вынужден был подтвердить верность их сведений. Оленин пытался выяснить источники их информированности, но безрезультатно. Из театра оба приехали в дом Оленина и потребовали составить официальную бумагу. Оленин задержался с ее составлением в связи с помолвкой дочери. Милорадович пожаловался на него министру Голицыну, — утверждает О. Д. Голубева, не ссылаясь на источники. «Пришлось Оленину держать ответ перед тем и другим»⁶¹. Увидев, что дело приняло политический оборот, Оленин 20 сентября написал Голицыну политический донос на Лабзина: «Я неоднократно имел честь Вам изъяс-

лять крайнее мое удивление на счет смелости с каковою Вице Президент Имп. Акад. Художеств ДСС Лабзин обыкновенно изъясняется с Правительством и о Государственных людях в самом присутствии правления Академии и Совета... до сих пор и не было почти ни одного заседания Правления или Совета Академического, в котором А. Ф. Лабзин не позволял бы себе многих резких суждений на счет правительства... Еще в недавнем времени, именно при объявлении Высочайшего повеления о закрытии масонских лож и других тайных обществ, он делал в присутствии 22 членов Совета Академического весьма необдуманные замечания о бесполезности сей меры»⁶².

Это была скрытая угроза самому Голицыну, чьим протеже считался Лабзин. Министр, над которым уже «сгущались тучи» в лице Фотия, Аракчеева, Шишкова, Мордвинова, это понял и отрекся от Лабзина, написав ему ханжеское письмо, в котором упрекал в «нехристианском поведении», гордыне, неуважении к власти, нарушении «обыкновений между благовоспитанными людьми», неблагодарности к императору, «оказавшему ... милость свою вручением ордена св. Владимира 2-й степени». Он свалил на Лабзина всю вину за провал «Сионского вестника»: «Вместо того, чтобы писать в таком духе, в котором покойный митрополит Михаил говорил свои проповеди, — вы начали писать масонского хода пиесы»⁶³.

Для Лабзина это не было сюрпризом. Что такое Голицын, он сформулировал еще в 1818 году в письме к З. Я. Карнееву: «...на все ответствовано было властью и силою Министра, которая видимо, поставлена не на то, чтобы покровительствовать и благодетельствовать своим подчиненным, но чтобы быть их шпионами и палачами... Что касается до

В. М. П., то он ничто иное как Секретарь человекоугодничающий из своих выгод и сделавший себе из слабости своей Христианскую добродетель, смирение и послушание, чем и успокаивает свою совесть. Он никогда не разнится в мнении своем с своим Командиром; и ежели К. скажет: надобно Л-ну нос откусить, он без зазрения совести побежит и скажет: пожалуйста ваш нос, мне велено его откусить, и текст подведет: "Вечна душа властям принадлежащим да повинуется"»⁶⁴.

8 октября Милорадович отправил объяснение Оленина Аракчееву, а тот — Александру I, находившемуся в Вероне. Император 20 октября через Голицына просил сделать Оленину строжайший выговор за то, что он «властью, ему присвоенной», не укротил неприличное поведение Лабзина и сразу же не донес начальству о «сем дерзком поступке»⁶⁵. Министр доложил императору, что когда он «высказывал самый серьезный выговор», Оленин был «смиранный и кающийся». Однако в письме императора Аракчееву от того же числа (за подписью министра двора и кузена Оленина М. П. Волконского), о выговоре Оленину нет ни слова: «Государь император прочел записку вашего сиятельства и отношение к вам президента Академии художеств Оленина насчет поступка Действительного Статского Советника Лабзина, повелевает вам: призвать Лабзина к себе и объявить ему, что столь наглое поведение терпимо быть не может, во следствие чего указом Сенату сего числа данным отставлен он от службы, а вашему Сиятельству поручается немедля выслать Лабзина из С.-Петербурга в его деревни, буде имеет, о чем дать наперед справку, если же не имеет никакого нигде потомства, то по сношению вашему с управляющим Министерством Внутренних дел избрать

один из уездных городов отдаленной губернии для жительства его и отослать туда под особый надзор полиции с запрещением выезда из оно́го, без особого на то высочайшего разрешения»⁶⁶. Лабзин писал императору (об этом напоминает в своем письме Голицын)⁶⁷, но безрезультатно. Его сослали сначала в Сингилей, затем — в Симбирск, где он умер в январе 1825 года в возрасте 59 лет⁶⁸.

Молва приписала вину за беды Лабзина Оленину. Например, А. Л. Витберг утверждал, что президент через Аракчеева донес на Лабзина Александру I⁶⁹. Оленин понимал неизбежность подобных упреков и всячески пытался спасти свою репутацию. Он просил П. М. Волконского о смягчении участи Лабзина (понимая бесполезность такой просьбы)⁷⁰, писал Голицыну о своей жалости к Лабзину, страдающему «тяжкою падуцею болезнью»: «У него нет пристанища без службы, и я составлю несчастье того человека, который меня почитает своим врагом. Нет, лучше и этот крест я понесу на себе и не осрамлю Академии»⁷¹. Он передал граверу А. Г. Ухтомскому 300 рублей для Лабзина, попросив, чтобы тот не сообщал, от кого получены деньги, «...несмотря на великое огорчение, которое он мне нанес необдуманном своим поступком и на многие другие огорчения»⁷². «Как не гордиться мне быть дочерью такой высокой души», — пишет В. Н. Оленина на полях этого письма. Однако 300 рублей... Достаточно сказать, что та же Варвара получила в это время в качестве приданого среди 987 наименований подарков 40 изделий из золота и драгоценных камней, 27 комплектов столового серебра, 25 предметов мебели, 7 шуб. К тому же, Оленин зачем-то сохранил черновик столь деликатного письма — видимо, как памятник собственному благородству.

Такова внешняя канва «дела Лабзина», которое в работах вышеупомянутых авторов рассматривается как анекдот, иллюстрация жестокости карательной политики аракчеевского режима, благородства или неблагородства президента Оленина.

Нам видится еще один аспект этого дела. Весьма вероятно, что доносы Оленина, систематически посылаемые Голицыну, были частью политической игры по дискредитации министра духовных дел и народного просвещения. Оленин таким образом тонко его провоцировал и собирал компромат. Честный, глубоко верующий, по-человечески порядочный Лабзин для Оленина был легко предсказуем, как и Голицын, не придававший значения оленинским доносам. И президент использовал эту предсказуемость в интересах как личных, так и стоящей за его спиной партии. 22 мая 1822 года он написал Голицыну очередной донос на Лабзина. Однако 1 августа по представлению министра Лабзин высочайшим распоряжением получил за выслугу лет прибавку к жалованию в 3000 рублей⁷³. 2 сентября Академия была об этом официально уведомлена⁷⁴. Тем временем 31 августа «Христоробивый Алексей» за что-то удостоился письменного благословения от архимандрита Фотия⁷⁵ — непримиримого врага Лабзина и Голицына. 14 сентября Голицын подтвердил получение от Оленина записки «о квартире Лабзина» (вероятно, речь шла об улучшении его жилищных условий), но, уведомленный о позавчерашних событиях, министр на сей раз проявил осторожность: «Не лучше ли оставить до возвращения Государя — чтобы спросить его волю»⁷⁶. Все перечисленное превращало Лабзина в глазах императора в образец неблагодарности и ставило под удар его многолетнего покровителя.

После падения Лабзина Оленин повел атаку на самую должность вице-президента: «случайно установленное звание Вице Президента, о котором и помышления не было при учреждении сей Академии; (как то доказывает ее Привилегия, Устав и первый ее Штат) смущает дух некоторых членов сей Академии»⁷⁷. В итоге должность вице-президента осталась вакантной до 1828 года, и Оленин, особенно после замены Голицына А. С. Шишковым, получил полную власть над Академией. Он поощрял тайное доносительство. Известными его информаторами были архитектор Н. Е. Ефимов (возможно, благодаря этому обстоятельству, Совет в 1821 году присудил золотую медаль ему, а не А. П. Брюллову) и попечитель русских пенсионеров в Италии кн. Италинский.

В отличие от Чекалевского, Оленин не пытался противиться назначению на воспитательские должности в Академии инвалидов «для их успокоения»⁷⁸, что имело негативные последствия. За «худое поведение» отбывали наказание в Инспекторском доме служители Михайлов⁷⁹, Д. и В. Ивановы⁸⁰. На Михайлова это не подействовало, и его отослали в Инспекторский департамент⁸¹. «Без чувств пьяными» или «в буйстве» были доставлены к обер-полицмейстеру служители М. Иванов⁸² и Фарсов⁸³. Учащиеся не отставали. Самовольные отлучки из Академии учеников, служителей и натурщиков были обычным делом. За «противную нравственность и шалость» был исключен воспитанник 1-го возраста Бышев⁸⁴, взят полицией «без чувств пьяным» ученик Салин⁸⁵. В декабре 1825 был отдан под суд ученик 3-го возраста А. Глинский, нанесший из озорства шрапером (инструмент для гравирования) смертельную рану своему сверстнику В. Гурскому⁸⁶. Тогда же исключили ученика 3-го возраста С. Во-

ронченкова, совершившего многочисленные кражи часов, готовален, шинелей товарищей с целью их продажи на толкучем рынке. По его утверждению, вырученными деньгами он делился с чиновником Академии губернским секретарем И. Котовым, все отрицавшим, но тоже уволенным⁸⁷.

Ярким примером педагогической некомпетентности воспитателей стали события 30 июня 1823 года (в этот день летних каникул был праздник, и воспитанников навещали близкие). Инспектор Т. В. Васильев поймал пьяным ученика 3-го возраста Алексева и потребовал выдать соучастников. Когда тот отказался, инспектор посадил его под арест в помещение лазарета. Весть о случившемся распространилась мгновенно, и когда Васильев появился в помещениях 4-го возраста (по его терминологии — «в казарме»), «ученики пришли в волнение и произвели весьма неприятный крик». Васильев молча ретировался, а оставшийся гувернер Предтеченский потерял контроль над ситуацией. Учащиеся бросились в лазарет, «целый 4-й возраст и часть 3-го возраста с большим буйством и криком... стали бить стекла руками и ногами, разбивши подняли раму и вытащили пьяного ученика Алексева, служителя прибили, а няньке ушибли руку», зрителя лазарета обругали и грозили физической расправой. Освободив товарища, учащиеся постепенно успокоились, Предтеченскому удалось увести их в рекреацию, где учеников окончательно успокоил дежурный профессор А. А. Михайлов 2-й. Через три недели по высочайшему рескрипту четыре ученика были исключены из Академии без сдачи в солдаты («в уважение раскаяния их»), а остальным объявлено, что впредь за подобное их ожидает неминуемая солдатчина. Инспектора Ва-

силъева уволили, а губернатора Предтеческого понизили в должности⁸⁸.

На таком фоне любопытной деталью, дополняющей образ Оленина, является расправа над учениками 4-го возраста Иосифом Даль-око и Михаилом Михайловым за 1,5 месяца до их выпуска⁸⁹. По официальной версии, 17 июня 1818 года (период летних каникул) они приехали пьяными в Академию на извозчике и отказались ему платить. Тот поднял шум, на который собрались дежурные губернеры и преподаватели. Один из воспитанников пошел занимать деньги у товарищей, а другой остался «заложником». В рапорте инспектора К. И. Головачевского сказано, что дело было улажено мирно, «извозчик остался доволен», а о том, что воспитанники были пьяны, нет ни слова. Тем не менее, их заставили написать заявления об уходе по собственному желанию и исключили в период каникул, когда Михайлов был в отъезде, а Даль-око лежал в лазарете. Причем, в характеристике Михайлова отмечается его «талант», хорошее поведение и музыкальные способности. Архитектор Даль-око талантом и хорошим поведением не отличался, но таких в Академии было множество. По нашему мнению, решающим стало то обстоятельство, что Даль-око был протеже покойного президента А. С. Строганова и обучался на средства его невестки. Это был акт зависти и мелкой личной мести Оленина памяти своего предшественника, благородного и не раболепствующего перед властью.

Все перечисленное показывает: 1) ошибочность распространенного мнения о том, что с приходом в Академию Оленина «пьяницы и бузотеры были выгнаны»⁹⁰; 2) ложность утверждений президента о том, что главной причиной низкой нравственности воспитанников являлось наличие в Академии крепостных.

Приведенные выше эпизоды датируются 1821–1825 годами, когда ни одного крепостного в Академии уже не было.

Оленин, идеальный чиновник-бюрократ, слабо разбирался в главном — в художественной деятельности своих подчиненных. В письме А. И. Ермолаеву по поводу академической выставки 1824 года он признался, что не представляет, какие и чьи работы можно выставить: «хорошо, если бы ее не было, и без того мне хлопотно нынешний год»⁹¹. По художественным вопросам он мог диктовать свое мнение только нижестоящим. Когда же требовалась его экспертная оценка для начальства, он всегда прикрывался мнением Совета.

Так, в 1821 году Оленин просил А. Н. Голицына осмотреть выставленный в Эрмитаже портрет императрицы Елизаветы Алексеевны работы Р. М. Волкова, который автор хотел посвятить императору. Волков был средним живописцем, но вошел в фавор благодаря парадным портретам лиц императорской фамилии, М. И. Кутузова, И. А. Крылова, в какой-то период «эксклюзивное» право писать портреты императора для присутственных мест⁹². Голицын потребовал заключение Академии. Оленин составил опросник для баллотировки по принципу «да» — «нет»: «1) Правильно ли написана фигура в разсуждение пропорций, и хорошо ли она скомпонована? (+2; –25); 2) Хорошо ли выражено тело лица, плеч и рук? (+3; –24); 3) Хорошо ли изображено платье и мантия? (+11; –16); 4) Хорошо ли написаны принадлежности, как-то подушки и покрывала, бархатный ковер, кресла позолоченные, балдахин и стулья? (+17; –10); 5) Правильна ли перспектива разных предметов? (+8; –19); 6) Похож ли портрет? (–23; Г. И. Угрюмов, А. И. Иванов, В. И. Демут-Малиновский и И. П. Прокофьев ответа не дали, поскольку нико-

гда не видели императрицу); 7) Достояна ли работа представлению Е. И. В.? (+3; -24)»⁹³. Покровительствуя до этого Волкову, писавшему для Публичной библиотеки портреты библиотекарей, Оленин тотчас присоединился к мнению большинства. Что касается составленного им опросника, то непонятно, как понимать критерии «правильно», «хорошо». Можно себе представить, какие оценки получили бы по этой шкале современные ей «Данте и Вергилий» Э. Делакруа, «Скачки в Эпсоме» Т. Жерико, пейзажи Д.-М.-У. Тернера или «Расстрел повстанцев» Ф. Гойи...

О художественной зашоренности Оленина и возглавляемого им Совета свидетельствует их протест руководству московской Комиссии для строений о прекращении «злоупотребления, могущаго послужить к унижению достоинства Императорской Академии»⁹⁴. А «злоупотребление» состояло в том, что в адрес-календаре на 1818 год архитекторы Бове и Эльтинский фигурировали как академики, хотя и не представили еще заданных Академией программ. Подлинный ценитель искусств должен был бы понять, что работы О. И. Бове могут служить не к «унижению», а к чести Академии, и сделал бы все, чтобы связать с ней имя этого зодчего. Но Оленин, как всегда, предпочел формально следовать букве закона.

На конкурсных экзаменах в классе исторической живописи героико-патриотические темы из отечественной истории сменились религиозной тематикой. Как правоверный академик, Оленин признавал только идеальную натуру, добившись через Голицына высочайшего разрешения выбирать натурщиков из солдат столичных полков⁹⁵. Учебные программы выписывались исключительно из заповедника академизма — Миланской академии⁹⁶. В то время

как для европейских мастеров все большее значение приобретал жанр ню, Оленин не допускал в Академию женщин-натурщиц. Вряд ли он опасался за нравственность воспитанников. При Голицыне, в условиях «христианизации» народного образования, индифферентность президента в этом вопросе вполне понятна, но она не изменилась и при Николае I — большом ценителе женских прелестей.

В заслугу Оленину ставится разработка правил для обеспечения прав собственности художников⁹⁷. Однако дело растянулось на 23 года, и президент проявил к нему явное пренебрежение. Начало положило отношение министра народного просвещения президенту Академии художеств от 7 февраля 1824 года о том, что при Департаменте народного просвещения создается проект Правил, определяющих право собственности сочинителей, переводчиков, издателей, их наследников и преемников. Аналогичные правила предлагалось составить в отношении рисунков, гравированных на меди, дереве, литографированных. 27 февраля Совет Академии ответил, что намерен сначала составить предварительный проект, потом утвердить его на Совете и лишь затем дать на рассмотрение президенту, то есть Оленин поставил бы подпись на плодах коллективного творчества.

23 декабря 1824 года в Академию за подписью А. С. Шишкова пришло напоминание о необходимости ускорить работы. Министр приложил письмо Д. Доу, в котором тот предлагал обратиться в пользу авторов любые копии с их произведений и запретить копирование без согласия авторов. 23 мая 1825 года Шишков еще раз напомнил Оленину о проблеме, посетовав, что президент не отвечает на его письма. Лишь 13 июля

1825 года последовал ответ. Оленин предлагал: 1) при продаже художниками произведений право нового собственника подразделить на безусловное и условное — когда составляются письменные условия; 2) «утверждение права собственности должно производиться путем приложения к художественным работам казенного клейма или штампа вместе с таковым же собственно художнику принадлежащим»; 3) изготовить и раздать художникам персональные штампы; 4) подделка штампа или подписи художника должна преследоваться по закону. И это все плоды деятельности Оленина с 7 февраля 1824 года по 7 сентября 1827 года в столь важном для каждого художника деле.

Закономерным результатом оленинского руководства и насаждаемой им эстетики стал «бунт» лучшего ученика Академии К. П. Брюллова⁹⁸. В первой половине 1820-х годов в стенах Академии и среди ее выпускников складывалась «романтическая оппозиция» оленинскому курсу — А. П. и К. П. Брюлловы, А. Г. Венецианов, А. Л. Витберг, С. И. Гальберг, Ф. И. Иордан, О. А. Кипренский, А. О. Орловский, В. А. Тропинин, С. Ф. Щедрин. Варвара Оленина в числе врагов своего отца упоминает также Ф. В. Булгарина, Н. И. Греча, А. И. Зауэрвейда, цензора А. И. Красовского, М. Е. Лобанова, К. А. Тона,

А. И. Тургенева⁹⁹. После 1830 года в этот ряд встал А. С. Пушкин.

Подводя итог, приведем мнение будущего вице-президента Академии, гениального художника, почетного члена всех европейских академий, безупречного дворянина, патриота и гражданина гр. Ф. П. Толстого: «Оленин своим управлением сделал для Академии более вреда, нежели пользы»¹⁰⁰. Правильность этой оценки подтверждается неоспоримым фактом: почти все лучшие достижения русского искусства 1817–1825 годов созданы мастерами, не связанными с Академией (К. И. Росси, О. И. Бове, Д. Жилярди, Л. Руска, А. Менелас, О. Монферран, П. Гонзага, П. Ф. Соколов, В. А. Тропинин, К. П. Брюллов), связанными с Академией лишь формально (В. П. Стасов, П. П. Соколов, А. Г. Венецианов, И. А. Иванов-младший, О. А. Кипренский, А. О. Орловский, Ф. П. Толстой, Н. И. Аргунов) и заграничными пенсионерами, оказавшимися вне ее досягаемости (С. И. Гальберг, П. В. Басин, Ф. А. Бруни, М. Н. Воробьев, С. Ф. Щедрин). Всему этому оленинская Академия может противопоставить лишь памятник Минину и Пожарскому работы И. П. Мартоса (созданный до прихода Оленина), отдельные работы А. А. Михайлова-второго, С. С. Пименова, В. И. Демут-Малиновского, А. Г. Варнека, А. Е. Егорова, В. К. Шебуева, Н. И. Уткина.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 16. Д. 92. Л. 1–25.
- ² Солнцев Ф. Г. Записки // Русская старина. 1876. Т. 15. № 14. С. 316; Иордан Ф. И. Записки ректора и профессора Академии художеств. М. 1918. С. 14.
- ³ РГИА. Ф. 789. Оп. 16. Д. 64. Л. 1; Там же. Д. 118. Л. 1; Там же. Оп. 1 Ч. 2. Д. 67. Л. 1.
- ⁴ РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 1. Д. 2633. Л. 1–3; Там же. Д. 2689. Л. 1–5.
- ⁵ РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 1. Д. 2688. Л. 1.
- ⁶ РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 1. Д. 2722. Л. 1.
- ⁷ РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 1. Д. 2677. Л. 1–2.
- ⁸ РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 1. Д. 2755. Л. 1.
- ⁹ РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 1. Д. 2743. Л. 1–7.

-
- ¹⁰ *Оленин А. Н.* Краткое историческое сведение о состоянии Имп. Академии художеств: с 1764 по 1829. СПб., 1829. С. 63.
- ¹¹ РГИА Ф. 789. Оп. 1. Ч. 1. Д. 2702. Л. 1.
- ¹² РГИА Ф. 789. Оп. 1. Ч. 1. Д. 2757. Л. 1.
- ¹³ РНБ ОР. Ф. 143. № 81. Л. 2.; РГИА. Ф. 759. Оп. 1. Ч. 1. Д. 208. № 2.
- ¹⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 16. Д. 176. Л. 1-35; Там же. Оп. 1. Ч. 2. Д. 173. Л. 1-20; Д. 202. Л. 1-4.
- ¹⁵ РНБ ОР. Ф. 542. № 519. Л. 1-2.
- ¹⁶ РНБ ОР. Ф. 542. № 523. Л. 1-72.
- ¹⁷ РНБ ОР. Ф. 542. № 251. Л. 1.
- ¹⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 16. Д. 87. Л. 1-4; Там же. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 1. Д. 2690. Л. 1-3.
- ¹⁹ РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 2. Д. 65. Л. 1-9.
- ²⁰ *Свербеев Д. Н.* Записки. М. 1899. Т. 2. С. 355.
- ²¹ Русская старина. 1875. Т. 14. № 10. С. 280.
- ²² *Петров П. Н.* Петров П. Н. Сборник материалов для истории Императорской Санкт-Петербургской Академии художеств. 1865. Т. II. С. 39-40.
- ²³ *Голубева О. Д.* А. Н. Оленин. СПб. РНБ. 1997. С. 104-108.
- ²⁴ РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 1. Д. 2690. Л. 1.
- ²⁵ РНБ ОР. Ф. 542. № 90. Л. 14-15.
- ²⁶ РНБ ОР. Ф. 1000. Оп. 3. № 13. Л. 1-2.
- ²⁷ Русская старина. 1875. Т. 14. № 10. С. 284.
- ²⁸ Там же. С. 286-287
- ²⁹ РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 2. Д. 403. Л. 1.
- ³⁰ РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 2. Д. 14. Л. 1-6.
- ³¹ РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 2. Д. 168. Л. 1
- ³² РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 2. Д. 168. Л. 1.
- ³³ РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 2. Д. 362. Л. 1.
- ³⁴ РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 2. Д. 403. Л. 5-5 об.
- ³⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 16. Д. 120. Л. 1-6.
- ³⁶ РНБ ОР. Ф. 542. № 90. Л. 38.
- ³⁷ РНБ ОР. Ф. 143. № 81. Л. 1-1 об.
- ³⁸ *Ацаркина Э. Н.* Карл Павлович Брюллов. М., 1963. С. 45.
- ³⁹ РГИА. Ф. 789. Оп. 16. Д. 97. (1821 г.). Л. 1-4.
- ⁴⁰ РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 1. Д. 2619. Л. 1-2; Ф. 733. Оп. 16. Д. 72. Л. 1-3.
- ⁴¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 16. Д. 98. Л. 1-20.
- ⁴² РНБ ОР. Ф. 588. № 267. Л. 1-2.
- ⁴³ РНБ ОР. Ф. 542. № 232. Л. 13-14.
- ⁴⁴ Знаменитые россияне XVIII-XIX веков. Биографии и портреты. По изд. вел. кн. Николая Михайловича «Русские портреты XVIII и XIX столетий». СПб. 1996. С. 591.
- ⁴⁵ РНБ ОР. Ф. 542. № 90. Л. 14.
- ⁴⁶ РНБ ОР. Ф. 542. № 108. Л. 8-9.
- ⁴⁷ РНБ ОР. Ф. 542. № 232. Л. 8 об., 18 об., 10.
- ⁴⁸ РНБ ОР. Ф. 542. № 90. Л. 16, 19.
- ⁴⁹ РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 1. Д. 2735. Л. 1-5.
- ⁵⁰ РНБ ОР. Ф. 542. № 90. Л. 28-36.
- ⁵¹ РНБ ОР. Ф. 542. № 232. Л. 6-19.
- ⁵² РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 1. Д. 2572. Л. 1-2.
- ⁵³ *Верещагина А. Г.* Федор Антонович Бруни. Л., 1985. С. 18-24.
- ⁵⁴ РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 1. Д. 2835. Л. 1-4; Ф. 733. Оп. 16. Д. 124. Л. 14-37.
- ⁵⁵ РНБ РО. Ф. 542. № 583. Л. 1-6; № 584. Л. 1-35
- ⁵⁶ РНБ РО. Ф. 203. № 8. Л. 2 об-3 об.
- ⁵⁷ РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 2. Д. 183. Л. 1-6.
- ⁵⁸ Письма главнейших деятелей в царствование Императора Александра I. СПб., 1883. С. 358.
- ⁵⁹ Знаменитые россияне... С. 591; *Троцкий Н. А.* Александр I и Наполеон. М., 1994.

-
- 60 РНБ ОР. Ф. 542. № 116. Л. 9.
61 Голубева О. Д. Указ. соч. С. 110.
62 РНБ ОР. Ф. 542. № 90. Л. 28–36.
63 РНБ ОР. Ф. 203. № 8. Л. 2 об.–3 об.
64 РНБ ОР. Ф. 338. № 6. Л. 1.
65 Русская старина. 1875. Т. 14. № 10. С. 295.
66 РНБ ОР. Ф. 29. № 10. Л. 84.
67 РНБ ОР. Ф. 203. № 8. Л. 2 об.–3 об.
68 РГИА. Ф. 733. Оп. 16. Д. 172. Л. 1–23.
69 Русская старина. 1875. Т. 14. № 10. С. 292.
70 Там же. С. 296.
71 Письма главнейших деятелей в царствование Императора Александра I. С. 360.
72 РНБ ОР. Ф. 542. № 146. Л. 1.
73 РГИА. Ф. 733. Оп. 16. Д. 171. Л. 1–7.
74 РГИА Ф. 789. Оп. 1. Ч. 2. Д. 148. Л. 1–5.
75 РНБ ОР. Ф. 542. № 323. Л. 1
76 РНБ ОР. Ф. 542. № 194. Л. 3.
77 РНБ ОР. Ф. 542. № 90. Л. 39.
78 РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 2. Д. 149. Л. 1–26.
79 РГИА. Ф. 789. Оп. 16. Д. 157 (1821 г.). Л. 1–4.
80 РГИА. Ф. 789. Оп. 16. Д. 116 (1822 г.). Л. 1–8.
81 РГИА. Ф. 789. Оп. 16. Д. 154 (1822 г.). Л. 1–5.
82 РГИА. Ф. 789. Оп. 16. Д. 123 (1823 г.). Л. 1–2.
83 РГИА. Ф. 789. Оп. 16. Д. 120 (1824 г.). Л. 1–2
84 РГИА. Ф. 789. Оп. 2. Д. 18. Л. 1–2
85 РГИА. Ф. 789. Оп. 16. Д. 102 (1825 г.). Л. 1–2.
86 РГИА. Ф. 789. Оп. 2. Д. 463. Л. 1–13.
87 РГИА. Ф. 789. Оп. 2. Д. 465. Л. 1–8.
88 РГИА. Ф. 733. Оп. 16. Д. 191. Л. 1–21; Там же. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 2. Д. 224. Л. 1–15.
89 РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 1. Д. 2775. Л. 1–12.
90 Голубева О. Д. Указ. соч. С. 90.
91 РНБ ОР. Ф. 542. № 96. Л. 3.
92 РГИА. Ф. 733. Ф. 16. Д. 27. Л. 1–12.
93 РГИА Ф. 789. Оп. 1. Ч. 2. Д. 15. Л. 2–3.
94 РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 1. Д. 2765. Л. 1 об.
95 РГИА. Ф. 733. Оп. 16. Д. 101. 1–3.
96 РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 1. Д. 2718. Л. 1–3.
97 РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 2. Д. 237. Л. 1–334.
98 Гагарин Г. Г. Воспоминания о Карле Брюллове // Альманах «Зурна». Тифлис. 1857. С. 15–
16; Ацаркина Э. Н. Указ. соч. С. 38.
99 РНБ ОР. Ф. 542. № 564. Л. 3.
100 Русская старина. 1873. Т. 7. № 2. С. 174.

O. Ostrovski

A. N. OLENIN AND THE ACADEMY OF FINE ARTS IN THE YEARS OF 18-17

The activities of A. N. Olenin, President of Academy of Fine Arts in 1817–1825 are considered. A great number of documents from the Russian State Historical Archive and the Department of Manuscripts (National library of Russia) as well as various publications are analysed. Both the merits of A. N. Olenin and his negative role in the history of fine arts and the Academy are mentioned. The original interpretation of A. F. Labzin's case (1822) is given.